

Оплаченный ДИАГНОЗ

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
ПАВЕЛ АСТАХОВ

Павел Алексеевич Астахов
Татьяна Витальевна Устинова
Оплаченный диагноз
Серия «Дела судебные»
Серия «Я – судья», книга 10

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67472046

Т. В. Устинова. П. А. Астахов. Оплаченный диагноз: ООО

«Издательство «Эксмо»; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-167813-5

Аннотация

Новый роман Татьяны Устиновой и Павла Астахова «Оплаченный диагноз» из серии «Дела судебные» написан на животрепещущую тему пандемии. Она объединила весь мир, но каждый переживает ее по-своему...

Судья Елена Кузнецова весь день была занята на заседаниях и удивилась, обнаружив множество пропущенных звонков от сестры Натки. Что опять стряслось с этой неугомной особой, буквально притягивающей неприятности? Когда же Лене наконец удалось связаться с сестрой, волосы у нее встали дыбом: та находится в ковидном госпитале! Натка утверждает, что вовсе не больна, а ее недомогание – банальное отравление. Она просит забрать ее домой, но сделать это не так-то просто. Связь

прерывается, а когда Лена вновь пытается найти сестру, то слышит ужасные новости...

Татьяна Устинова, Павел Астахов

Оплаченный диагноз

© Астахов П., Устинова Т., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

В слове «отгул» Натке отчетливо слышался гулкий лязг тронувшегося поезда. Локомотив поехал, вагоны стукнулись один о другой, покатались, набирая ход – ту-ту, всем пока, мы отправляемся в путь!

Было бы неплохо сесть в поезд, например, Москва – Владивосток и, помахав ручкой никогда не спящей столице, отправиться в незнакомые края.

Пить чай из стеклянных стаканов, тоненько дребезжащих в кружевных металлических подстаканниках, смотреть в окошко на пролетающие мимо столбы, дома, леса и поля, болтать ни о чем со случайными попутчиками и сладко спать под размеренный перестук колес...

Но за один-единственный день отгула не доехать ни до Владивостока, ни даже до Энгельса, который не идейный товарищ Маркса, а город под Саратовом. Второй по численно-

сти населения в области, как выяснила Натка из Интернета: по данным последней переписи, там проживают 227 049 человек.

И, как будто этого мало, неумолимое полицейское начальство отправило в Энгельс еще и безропотного Таганцева. Для более круглого счета, наверное – чтобы там было 227 050 человек. Ну, и чтобы в этой народной массе отыскать маньяка, который в прошлом году успел натворить дел в Белокаменной, а теперь всплыл в Заволжье.

Как будто без помощи московского опера местные сыщики столичного маньяка поймать не смогут! Таганцев уехал только позавчера, но обещающее стать затяжным отсутствие любимого мужчины уже неважно сказалось на Натке.

Мигом испортилось настроение – и это полбеды, гораздо хуже, что заметно пострадала внешность! Облупился лак на мизинце левой руки – это раз, кончики волос посекались – два, брови вознамерились выйти из отведенных им пределов, и, кажется, углубилась единственная пока, а потому привлекающая максимум Наткиного внимания морщинка на переносице.

Ко всему этому она еще и потолстела! На 1425 граммов, если верить чувствительным, как тургеневская барышня, весам, но, продолжая округлять – на целых полтора кило!

Вряд ли такая катастрофическая убыль красоты случилась всего за пару дней, но обнаружена она была именно сейчас. Наверное, потому, что в присутствии влюбленного Та-

ганцева Натка в своей привлекательности ничуть не сомневалась.

Теперь же со всеми этими неприятными открытиями следовало что-то делать, поэтому на отгул у Натки имелись большие планы. Она собиралась закатиться в салон красоты и пробыть там, если понадобится, хоть до самого вечера. Сеньку из школы надо забрать в пять часов – времени на восстановление порушенной красоты должно было хватить.

У Натки даже имелись деньги на эти реставрационно-восстановительные работы, потому что вдобавок к отгулу за архиважную сверхурочную работу по верстке иллюстрированных мемуаров одной малолетней интернет-звезды ей дали премию. Небольшую, но на один день в салоне должно было хватить.

Увы, стройный план полетел под откос, как подорванный врагами бронепоезд. Легкую дурноту Натка ощутила еще дома, но списала ее на понятное волнение перед посещением салона красоты.

Однако уже на улице у нее заболел живот, да так сильно, что на школьный двор через открытую калитку она запустила Сеньку с приличного расстояния, точно шар в боулинге, даже не одарив любимого сына, как обычно, материнским поцелуем и парой напутствий, впрочем, неизменно бесполезных. И едва разогнавшийся Сенька эффектно врезался в разноцветные кегли, пардон, в одноклассников, она развернулась и заспешила домой.

По улице Натка семенила, сгибаясь пополам, хватаясь за живот и постанывая, и с нарастающим ужасом думала: неужели ОНО? Вернее, он – ужасный модный вирус? Помнится, пугающая «корона» числила среди своих симптомов и тошноту, и расстройство желудка.

Ввалившись в квартиру, Натка рванула напрямик в санузел и провела там немало времени – без всякой приятности, не то что в салоне красоты, но тоже очень волнительно.

Потом, терзаемая болью и подозрениями, она прошла в кухню и поочередно вдумчиво понюхала лимон, кофе в банке и нашатырь в пузырьке. Всем известно, что при коронавирусе пропадает обоняние, это самый верный симптом.

Запахи не исчезли и не изменились, что обнадеживало. Тем не менее лучше Натке не становилось, и, помаявшись животом и сомнениями, она все-таки вызвала «Скорую».

В разговоре с телефонным оператором она усиленно напирала на то, что у нее сильно болит живот, есть тошнота и диарея, но и только! Ни кашля, ни насморка, ни боли в горле – никаких проявлений респираторного заболевания! Возможно, обыкновенный аппендицит.

Кого хотела убедить – непонятно. Себя, наверное, в первую очередь.

Так или иначе, «Скорую» ей прислали нормальную. Не такую, из которой, как из прилунившейся ракеты, неуклюже вываливаются громоздкие фигуры в скафандрах, повергая в шок и ужас всех жильцов многоквартирного дома.

К Натке явились обычные медики, даже не в белых халатах, а в красно-синих демисезонных костюмах, похожих на лыжные. Из жестких воротников трогательно торчали тонкие девичьи шейки.

– Какие вы молоденькие, – пробормотала больная, не сумев скрыть вызванного данным обстоятельством сожаления.

Понятно, что в связи со всеобщей мобилизацией врачей на борьбу с коронавирусом в «Скорой помощи» теперь работают и студенты, но можно ли им доверять? Натка предпочла бы иметь дело с опытным доктором.

Девчонки, впрочем, держались уверенно. Больную опросили, осмотрели, ощупали. Сочувственно покивали, пока она рассказывала о своих страданиях. Многозначительно переглянулись, когда Натка призналась, что ночью, не в силах уснуть в одинокой постели, доела позавчерашние суши, запив их холодным йогуртом с пирожным.

– Эклер из соседней кондитерской, – зачем-то пояснила она. – А суши из модного азиатского ресторана, мы были там с моим женихом перед самым его отъездом в бессрочную командировку. – Тут Натка в очередной раз тяжело вздохнула, мучимая не только болями в животе, но и сожалением по поводу ужасно несвоевременного отсутствия Таганцева.

Кто ей будет носить в больницу домашний куриный бульончик и свежий кефирчик? Сестра? Той по горло хватит забот с неукротимым Сенькой, которого на время маменькиного нездоровья придется определить к тетушке...

Натка переключилась на то, как все это получше устроить, и предложение девочек-медичек прокатиться на «Скорой» к хирургу, чтобы тот посмотрел ее «острый живот», приняла без раздумий.

Воображаемый хирург виделся ей могучим дядькой с волосатыми руками и привычкой командовать окружающими в бестрепетном армейском стиле.

Такими типами Натка управляла с легкостью, мигом обводя их вокруг пальчика – блин, с облупившимся маникюром, – но ладно, на сурового хирурга ее красоты еще должно хватить.

С этой мыслью она живо собралась и отправилась на «Скорой» в больницу, чтобы быстро выяснить причину своего нездоровья, экстренно принять необходимые меры к восстановлению нормального самочувствия и как можно скорее вернуться домой. Оставшись в памяти сурового хирурга как мимолетное виденье и гений чистой красоты...

И снова бронепоезд стройных планов загремел под откос! Во-первых, хирург оказался женщиной. Притом того типа, который с прелестной Наткой диссонировал до рези в глазах и скрипа зубов.

Суровая (тут воображение не ошиблось) тетка неопределенного возраста 40+ поразительно напоминала математичку, которая тиранила Наташеньку Кузнецову в школьные годы чудесные: такая же прямая, костлявая, с глазами-буравчиками и куцым хвостиком пегих волос на затылке. Выше

голову прикрывала розовая шапочка, лицо от носа до подбородка прятала голубая маска.

Эти аксессуары даму-хирурга не красили: явно не ее цвета. Ей бы в блестящий серый металл одеться: стальной шлем с забралом идеально подошел бы к холодным глазам и резкому бряцающему голосу...

Пока Натка, кривясь от боли и неудовольствия, подбирала модный лук неприветливой докторице, та ее осмотрела, ощупала и, что-то буркнув медсестре, резким жестом повелела больной удалиться из кабинета.

– Так что со мной? – Натка спохватилась, что за своими мыслями и фантазиями все пропустила.

– Подождите в коридоре. – Медсестра помогла ей выдвориться и устроиться на неприятно холодной и жесткой банкетке.

Местечко еще пришлось поискать: в приемном отделении больницы было многолюдно, как на вокзале. Натка с сожалением вспомнила свои утренние фантазии на тему убегающих в чудесные дальние края поездов. Домечталась...

Вот тебе целая толпа нервных граждан с чадами и домочадцами, документами и узелками с пожитками в руках. Кто-то кротко ждет, кто-то мечется в панике, кто-то стонет, кто-то посапывает, но все пребывают в подвешенном состоянии, не зная, что будет дальше...

– Подвинься-ка! – Натку бесцеремонно оттеснила на самый край банкетки объемистая дама.

Пол ее, впрочем, можно было определить только по голо- су: дама с головы до ног была упрятана в блестящую упаков- ку. Прозрачный дождевик поверх шубы, полиэтиленовые ба- хилы на сапогах, резиновые перчатки на руках, пластиковый колпак для душа поверх вязаной шапки. Все сине-голубое – «тотал блю», модный тренд!

– Маска твоя где? – Дама посмотрела на Натку с подозре- нием и неприязнью.

– Сняла, – коротко ответила она, не имея сил и желания вдаваться в объяснения. – Меня тошнит.

– Ковидная? – Дама отодвинулась.

– Чего сразу ковидная? – испуганно вскинулась Натка.

– А с чем тут все, ты думаешь? – Дама рукой в перчатке обвела набитый людьми коридор. – Или уже с вирусом, или вот-вот будут, потому как ума не хватает нормально предо- храняться. Идешь в больницу – оденься как надо. Вот я – и масочку, и перчаточки...

Дама нудно забубнила, нахваливая свой противовирус- ный модный лук. Натка, не слушая ее, отвернулась и тоск- ливо оглядела разношерстную толпу.

Мужчины, женщины, дети, старички и бабушки – неужто и впрямь все «ковидные»?

Эх, сглупила она!

Надо было не ехать в больницу, осталась бы дома – авось оклемалась бы и без хирурга. Марганцовочки попила бы, угольку активированного...

– Кузнецова! – громко и раздраженно позвал женский голос.

Натка встрепенулась, вытянула шею:

– Я! Я Кузнецова.

– Голову запрокиньте. Не дергайтесь.

К ней подошла медсестра, прицелилась, ловко сунула в нос тонкую белую палочку, удовлетворенно хмыкнула и удалилась, ничего не объяснив.

– Это что? – за неимением других собеседников Натка повернулась к упакованной даме.

Та закатила глаза:

– ПЦР-тест, что ж еще! Ну, ничего не знают, как будто в диком лесу живут!

Она снова забубнила про нехватку у граждан ума, масочек и перчаточек.

Натка опять отвернулась. Холодея, она проводила взглядом белую сатиновую спину медсестры и сдвинула руку, которой придерживала большой живот, выше – на сердце.

Боже, боженька, избавь, спаси и помилуй! Только не коронавирус, только бы не коронавирус!

– Что ты смотришь? Снова эту чушь? – Сашка заглянула в кухню, скривилась при виде работающего телевизора, зевнула, помотала головой и ушлепала в ванную.

– А ты опять без тапок! – ответно уличила я дочь.

Такого рода пикировки как-то незаметно вытеснили у нас

привычный обмен приветствиями. Вместо «Доброе утро, мамочка! – Утро доброе, доченька!» мы постоянно в чем-то упрекаем друг друга.

Вообще-то у нас с Сашкой прекрасные отношения, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Родители других подростков могут только позавидовать нашему взаимопониманию, но время пошло такое, что язык не поворачивается с ходу уверенно объявлять очередное утро добрым.

Вот сегодня, например, в новостях рассказали о новых требованиях куар-кодов и показали митинг протеста антипрививочников. Большую, между прочим, толпу с виду вполне нормальных граждан!

Приличные вроде люди, взрослые, образованные. Разумно и логично аргументируют необходимость отказаться от прививок.

– Нет никакого ковида, это всего лишь масонский заговор, – хорошо поставленным голосом лектора говорит в протянутый журналисткой микрофон благообразный мужчина в барашковой шапке. – Назрела необходимость в очередной раз произвести раздел рынков, что в условиях глобализации и распространения Интернета удобнее всего сделать именно таким образом – объявив пандемию...

– Это происки фармацевтических компаний! – поддакивают ему в толпе. – Они наживаются на страхе перед вирусом, зарабатывают миллиарды на липовых лекарствах и вакцинах!

– Вакцины – зло! С прививками нам внедряют микроципы! – кричит какая-то женщина.

Камера отворачивается от благообразного лектора, ныряет в толпу, ищет и находит нового крикуна.

– Нас всех подсаживают на какую-то дрянь! Сначала одна прививка, вторая, потом ревакцинация, бустерная доза, назальный спрей, что еще?! Да скоро мы сами будем выпрашивать укольчик, как наркоманы! Все деньги отдадим, карманы вывернем за новую дозу! – пророчит худой мужчина с лихорадочно блестящими глазами. – Кредиты в банках станем брать на прививки!

– Тебе еще не надоело? – Вернувшаяся из ванной Сашка, протянув руку поверх моего плеча, «выстрелила» с пульта в телевизор.

Митингующих смыло с экрана потоком рекламы.

– ...принимаем порошок, чтобы вирус не прошел! – похвалилась Образцовая Мать, обнимая пару Идеальных Деток.

– Какой порошок? Какой вирус? – Сашка закатила глаза и плюхнулась на табуретку. – Достанешь мой йогурт из холодильника? – Она снова щелкнула пультом.

– ...совершенно необходимо прививаться! – приятно упитанный доктор – очень милый и располагающий, типичный добрый Айболит, только в модных дорогих очках, – сокрушенно покачал головой, и его румяные щеки затряслись. – Чрезвычайно высокая летальность...

Щелк! Сашка смела с экрана доброго доктора Айболита, увела с линии огня пульт, свободной рукой приняла от меня баночку с йогуртом и припомнила:

– А ведь этот самый доктор в прошлом году уверял, что ковид ничуть не опаснее простуды и сезонного гриппа, мол, процент умирающих от него мизерный, и достаточно обливаться холодной водой, чтобы не заболеть! Как ему теперь верить?

– А кому верить, Саш? – Я поставила на стол свой кофе, со вздохом опустилась на табуретку и придвинула к себе расписную жестянку с печеньем.

Дочь, подождав, пока я сниму с нее тугую крышку, сунула руку в коробку и вытащила сразу два печенья.

Она не глядя сунула оба в рот, запила своим кислым низкокалорийным йогуртом и слегка покривилась:

– Из-за тебя я опять нарушаю режим здорового питания!

Я тактично промолчала, снова встала, вынула из микроволновки тарелку с горячими бутербродами и без слов поставила четко на середину стола.

– Не виноватая я, он сам пришел! – отчаянно выкрикнула юная диетичка и сцапала бутер – тот, что побольше.

Я тонко улыбнулась. Нет, я не возражаю против здорового питания, просто не считаю таковым водянистые каши из экзотических семян, пророщенное зерно и псевдойогурт из рисового молока.

По-моему, даже самому правоверному зожнику не повре-

дят бутерброд с сыром на завтрак и тарелочка борща на говяжьем бульоне на обед. Кстати, не забыть бы купить капусту...

– Да никому нельзя верить, – справившись с бутербродом, вернулась к теме моя рассудительная дочь. – Все врут, особенно в телевизоре.

– Конечно, правду только в соцсетях говорят, – не сдержавшись, съязвила я.

– И в соцсетях врут, – не стала спорить Сашка. – Вот Ляля Курбатова, известная всем как Лялипусечка, только на прошлой неделе рассказывала своим подписчикам, как плохо ей было после прививки. Мол, от первого укола у нее голова кружилась и тошнило, как беременную, а после второго вообще едва ноги не отнялись, трое суток бедняжка пластом лежала, не могла даже видео для бложика записать, еле-еле сил хватало сочувственные комменты читать! А вчера мы с ней столкнулись на одной тусе, и там эта Ляля хвасталась, что прививку-то она и не делала, просто купила себе сертификат за двенадцать тысяч рублей... Мам, а тебе деньги не нужны?

– Мне не нужен покупной сертификат о прививке! И ты об этом даже не думай! – Я строго постучала ложечкой по столу.

– Ты еще приговор мне объяви: полгода исправительных работ у мойки с грязной посудой! – хмыкнула непочтительная дочь. – Мам, я не собираюсь покупать сертификат и тебе

этого не предлагаю. У меня просто сейчас будут денежки за рекламку, могу с тобой поделиться – ну, там, на продукты...

– На сыр с колбасой. – Я кивнула. – Делись, если можешь. Хороший сыр нынче дорого стоит.

– На карту тебе пришлю! – Сашка пристукнула по столу пустой баночкой из-под йогурта, вскочила и убежала к себе – собираться в школу.

Одиннадцатый класс уже, как время-то летит! Совсем недавно у меня была маленькая девочка со смешными кошечками, и вот уже – целый модный блогер со стотысячной аудиторией и собственными денежками за рекламку...

Я растроганно вздохнула, посмотрела на баночку из-под йогурта и нахмурилась. Стекланный сосуд сиял почти первозданной чистотой – мыть не надо. Много ли будет толку от его содержимого? Разве так нужно кормить молодой растущий организм?

Нажарю вечером котлет. И картошки с грибами. «Чтобы вирус не прошел – надо кушать хорошо!» – вот такой девиз должен быть у Образцовой Матери, а не это ваше все – порошочки, пилюльки, прививочки...

– Мам, пока! – Прощально грохнула входная дверь, быстро удаляясь, затопали по лестнице модные «гриндерсы»: Сашка даже не ушла, а убежала.

Я встрепенулась: пора и мне на выход!

Откровенно говоря, очень хотелось остаться дома. Посидеть, а лучше даже полежать в тишине и покое, почитать

книжку, посмотреть... Нет, телевизор лучше не включать – там перпевают на все лады одну и ту же песню о главном – о вирусе.

Разговоры про пандемию надоели ужасно. У меня было стойкое ощущение, будто я присутствую на затянувшихся слушаниях по делу «Ковид против человечества» – день за днем, с утра до вечера, без перерыва!

Наверное, так казалось не мне одной. Во всяком случае, у моей лучшей подруги и коллеги Машки тоже не получалось надолго отвлечься от темы коронавируса.

Мы с ней встретились утром перед началом рабочего дня в торговом центре, в подземном гараже которого оставляем свои машины – у здания нашего суда припарковаться, как правило, не удается. Центр города, свободного места мало.

Машка позвонила, когда я уже закрывала машину.

– Подъехала? Молодец, поднимись на второй этаж, я тут снова в примерочной, нужен твой критический взгляд.

Я подавила вздох: ненавижу шопинг со всеми его атрибутами, включая примерочные!

Вот мою младшую сестрицу хлебом не корми, дай только побродить в лабиринтах вешалок, сгребая в охапку тряпки. Натка от этого времяпрепровождения не только не устает – расцветает, как поникший бутон, окропленный живой водой.

У Машки к шопингу ровное отношение: надо – пойдет, не надо – и не вспомнит. Но сейчас ей как раз надо: у них с

супругом скоро юбилей семейной жизни, двадцать лет – это серьезный срок, иным за убийство меньше дают.

К большому празднику подруге нужен достойный наряд, и выбирает она его на редкость придирчиво – мы с моим критическим взглядом уже устали ходить к ней в примерочные.

Но, разумеется, я не стала это говорить.

Спросила коротко и кротко:

– Где ты?

– На втором этаже.

– Через минуту подойду.

Срок своего прибытия я обозначила по старой памяти – в благословенные доковидные времена минуты мне как раз хватило бы, чай, не черепаха.

Теперь же пришлось постоять в небольшой очереди к வாщующимся дверям, а за ними еще подождать, пока один из охранников, поставленных сканировать QR-коды, проверит мой медотвод.

Второй страж в то же время выпроваживал очень недовольную таким холодным приемом девицу – только что путем сканирования кода выяснилось, что она и не человек вообще, а «цыпленок бройлер свежий, тушка, первая категория».

– Иди, иди уже, курица! – вполголоса напутствовал ее в спину сердитый охранник и пожаловался коллеге: – Надоели эти умники с кодами из супермаркета.

Я поднялась на второй этаж, зашла в нужный магазин и обнаружила подругу в примерочной. Не дождавшись меня,

она вышла из своей кабинки и крутилась перед большим зеркалом, закрепленным в простенке. На ней было что-то бледно-розовое – Сашка сказала бы «пудровое», – скрывающее фигуру под легкими складками от шеи до пят.

– Это комбинезон. Шелковый. Очень модный, – мрачно пояснила Машка, поймав мой взгляд в зеркале. Судя по голосу и выражению лица, от очень модного комбинезона она явно была не в восторге. – Как тебе?

Я пошевелила бровями, потерла подбородок.

– Можешь не деликатничать, – разрешила Машка. – Ну? Ваш вердикт, судья Кузнецова?

– Выглядишь сказочно. – Я начала издалека. Хотя подруга и разрешила мне говорить прямо, к суровой правде следовало подобраться осторожно. – Похожа на Пряничного человечка...

– По-моему, на манекен Алены Малышкиной, – не согласилась подруга. – Знаешь, у нее в программе есть такие – мягкие, гладкие, розовые, отдаленно напоминающие человека.

Я машинально кивнула.

Кто же не знает Алену Малышкину – доктора всех телевизоров!

– Только вчера она на таком манекене показывала, как прививка всасывается в организм и начинает там гонять антитела и создавать надежную защиту против вирусов. Очень зрелищно, – брюзгливо продолжила Машка и, ловко сложив

пальцы правой руки пистолетиком, решительно расстреляла с локтя, с бедра и с колена свое собственное отражение. Вернее, конечно, воображаемые вирусы.

– Это же прекрасно? – сказала я неуверенно. – Ты будешь ассоциироваться со здоровьем, точнее, с борьбой за него. А в наше суровое время это...

– Ой, молчи уже! – Машка отвернулась от зеркала и пошла в кабинку, на ходу со свистом расстегивая молнию оздоровительного комбинезона.

– Ты побыстрее там! – взбодрившись, покричала я ей вслед. – Опоздаем – Плевакин будет гонять нас, как хваленая прививка – те самые вирусы!

Машка фыркнула, с треском задернула за собой занавеску, которая тут же вспучилась горбом и пошла волнами, выдавая энергичные движения переодевающейся подруги.

Я машинально повернулась к зеркалу и осмотрела себя. Ну, ничего так. На Пряничного человечка не очень похожа. На Алену Малышкину, впрочем, тоже, а жаль. Главная телевизионная докторша – прекрасный образец для подражания. Каждая российская дама в возрасте за сорок смело может принимать ее за идеал.

Уж не знаю, на самом ли деле она профессиональный медик, но как женщина доктор Малышкина очень приятная, милая, красивая. Никогда не появляется на экране в одном и том же платье, всегда очень убедительно разыгрывает свои постановки и кукольные представления на тему здоровья...

Купить, что ли, себе какую-нибудь обновочку?

Я покосилась на длинную вешалку с разномастными тряпками, забракованными потенциальными покупательницами сразу после примерки.

Вот эта плиссированная юбочка очень миленькая. Просто мечта принцессы. К ней бы еще корону...

В смысле, не вирус, конечно, а царственное украшение на голову!

Тьфу ты, что я все о вирусе да о вирусе?!

– Идем! – Машка вылезла из кабинки, как весенний медведь из берлоги – деловитая и хмурая. – Завтра в соседний магазин зайду, посмотрю там что-нибудь подходящее. Время у меня есть.

– Там разве не молодежная мода? – Я поспешила за подругой и едва не влипла в ее спину, когда она вдруг резко остановилась.

– Ну? А я что, по-твоему, старая перечница?

– Нет-нет, ты еще молода и прекрасна, но там размерный ряд заканчивается XL, а это бывший российский сорок восьмой, причем маломерный! Китайцы же шьют...

Говорю же, у меня доверительные отношения с юной дочерью – блогером, специализирующимся на моде и красоте. Она мне много чего рассказывает...

– Я же сказала: время у меня еще есть. – Машка отмерла и сразу стартовала с ускорением. – Куплю наряд на размер или два меньше – как раз будет стимул похудеть к торжеству.

– Логично. – Я сдалась.

В конце концов, это не мне придется сидеть на диете, чтобы новый наряд в самый ответственный момент праздника не разъехался по швам.

Тем более участников торжества – всех, кроме Машки, конечно, – такой казус только развеселил бы. Зная мужа и деток подруги, можно не сомневаться, что они обхохочутся. А в наше суровое время возможность подарить близким людям немного радости и веселья дорогого стоит...

Ох, опять я сползла на тему пандемии! Наверное, это уже что-то нервное. Может, даже психическое.

Вот, например, витрина магазина женского белья. Нормальная дама на что засмотрелась бы? На эффектные кружевные тряпочки, в которых красуются безупречно стройные манекены. Безголовые, что логично: зачем им мозги с такими-то формами...

Но я замечаю не длинные ноги и крепкие бюсты манекенов, а также не сказочной красоты и стоимости бельишко на них.

Я почему-то обращаю внимание на изменение в ассортименте торгового заведения, который пополнился высокохудожественными защитными масками – со стразами, с вышивкой, с принтами в виде милых улыбок или хищных вампирских оскалов...

– Дожили! – проворчала Машка и дернула меня за руку, утаскивая прочь от витрины с великолепными трусами,

бюстгальтерами и масками – три в одном. – Раньше приличной бабе только две интимные зоны прикрывать надо было, а теперь уже три! А это же разориться можно, если комплектами покупать! Хотя можно не в наборе брать, а по отдельности. Главное, чтобы на красивую маску денег хватило, наличие трусов, слава богу, пока никто не проверяет... Шагай быстрее, что ты плетешься нога за ногу!

А я опять засмотрелась, и снова с мыслями о «короне».

Вот, поглядите-ка, свисают с высокого потолка в торговом центре объемные снежинки. Красивые же? Даже очень. Но почему-то весьма напоминающие мне серебристые модельки коронавируса – шарики с лапками-растопырками!

Хотя в телевизионной рекламе коронавирус всегда рисуют цветным. Чаще всего ядовито-синим, но иногда еще ядрено-красным или кислотно-зеленым...

– ...вирус! – Машка, оказывается, на бегу о чем-то рассказывала.

Я уловила только последнее слово и обеспокоенно переспросила:

– Что – вирус?

– Вырос, а не вирус! Ты что? – Подруга коротко покрутила пальцем у виска, чем только усилила наши общие сомнения в моей собственной нормальности.

Вот интересно, британские ученые, которые вечно впереди планеты всей, уже открыли такое психическое заболевание – ковидофобия?

– Я говорю, сын неожиданно вырос из школьной формы, и это уже зимой! А я в августе ему сразу два комплекта взяла, думала, на весь год хватит. На рубашках еще можно рукава переделать из длинных в короткие, тогда они кое-как на весну сгодятся, на жилетках я пуговицы расставлю. Но вот со штанами беда непоправимая, они и тесны, и коротки... А Сенька у вас какой размер сейчас носит?

– Хочешь отдать ему школьные брюки сына? – поняла я. – Мы примем с благодарностью, но только навырост. Сенька, к сожалению, все еще самый мелкий и щуплый в своем втором классе.

– А потому что кормить мальчика надо как следует! – Машка, образцовая хозяйка, моментально оседлала своего любимого конька. – Растущий мужской организм нуждается в усиленном питании! Вот мой младший на завтрак что съел сегодня? Вареное яичко, творожный сырок, две мамыны котлетки, да с чесночком, с лучком – их, кстати, и вирус боится...

Машка оживленно затарахтела, обосновывая пользу своих фирменных котлеток для растущего организма, а я мысленно сказала себе: фух, расслабься, Лена! Коронавирус – не твоя личная фобия. Похоже, это нынче наше общее психическое заболевание, раз все только о нем и говорят.

За интересной беседой на актуальную тему мы с подружкой не заметили, как долетели до здания родного Таганского суда.

Вопреки опасениям, успели вовремя: наш председатель Анатолий Эммануилович Плевакин еще не стоял на входе с секундомером, контролируя время прибытия сотрудников на линию трудового фронта, как он любит делать.

– Пообедаем вместе? – устремляясь к лестнице на второй этаж, на бегу спросила меня Машка.

Я кивнула, чего подруга уже не увидела, но задерживаться и переспрашивать не стала, уверенная в моем согласии.

Я свернула в коридор, ведущий к моему кабинету, и ровно в девять ноль-ноль была на рабочем месте. Точнее, на самых близких подступах к нему.

Помощник Дима задержал меня на своем рубеже в закутке-предбаннике, чтобы вручить несколько папок. Картонных, с тряпичными завязочками – явно от Плевакина.

Он, мне кажется, унаследовал за развалившимся СССР богатый склад канцтоваров – никак у него эти старорежимные папочки не заканчиваются.

– Привет, привет. Есть что-то особенное? – Я опасливо приняла новые дела.

У нашего дорогого Анатолия Эммануиловича есть неприятная манера периодически одаривать меня сюрпризными папочками с резонансными делами на тему красоты, здоровья и моды. Уж сколько раз я наступала на эти гламурные грабли...

– Сверху кое-что новенькое, интересное, – прокомментировал Дима, кивнув на папки. – Посмотрите, такого еще не

было.

– Только не говори, что Кит Харингтон и Роуз Лесли снова расстанутся, на этот раз с разводом через наш Таганский суд, – пошутила я.

– О, вы фанат «Игры престолов»? – Мой помощник искренне удивился.

– А что же я, по-твоему, старая перечница? – Я бессовестно украла реплику у Машки и, оставив смущенного Диму краснеть и лепетать извинения, проследовала к своему столу.

Приятно бывает произвести впечатление особы модной, не отстающей от времени. Спасибо, опять же, дочке, уговорившей меня в локдаун посмотреть популярный сериал.

Ох и снова я вспомнила про «корону»! Определенно это что-то нездоровое...

Однако беглое изучение содержимого верхней папки из стопки, врученной мне помощником, вновь меня успокоило. Нет, это не я больна, а действительно у нас время такое.

То, что Дима назвал новеньким и интересненьким, оказалось делом о мошенничестве.

Оказывается, изобретательные отечественные жулики, моментально реагирующие на веяния времени, уже придумали и даже успели испробовать на практике оригинальную схему кражи денег россиян с помощью QR-кода, который получают вакцинированные и переболевшие граждане.

Злоумышленники звонили таким привитым и выздоров-

вевшим и в телефонном разговоре убеждали их в необходимости привязать код к социальной или банковской карте привитого. При этом представлялись они людьми уважаемыми и ответственными – то работниками оперативного штаба, то чиновниками из Департамента здравоохранения города Москвы, то сотрудниками поликлиники.

Граждане, изрядно замороченные всей этой неразберихой, которую привнесли в нашу жизнь ковид и борьба с ним, коварную ловушку не угадывали и сообщали мошенникам банковскую информацию, после чего денежки с их карт благополучно утекали в карманы преступников.

К счастью, действовали те недолго, поставить на поток свою методу не успели и ограбили только несколько человек.

– Ох и доверчивый же у нас народ! – вздохнул мой помощник, видя, что я сокрушенно качаю головой. – Предупреждают их, предупреждают о звонках мошенников – и все без толку.

– Уж сколько раз твердили миру, – согласилась я, продолжая просматривать материалы дела. – Но честно тебе скажу: не знаю, как я сама отреагировала бы в подобной ситуации. Такая путаница в голове в связи с этим вирусом, совершенно непонятно, кому и чему верить... А еще говорят, что у переболевших людей психическое состояние не вполне нормальное, они как бы дезориентированы, значит, легче облапошить... Слушай, а как их так быстро взяли, мошенников этих? Удивительно просто, такая невиданная скорость...

– Да ничего удивительного. – Дима хмыкнул: – Счастливая случайность, можно сказать! Даже две счастливые случайности. Во-первых, затейников угораздило позвонить со своим предложением недавно переболевшему чиновнику Департамента здравоохранения. А он-то по долгу службы прекрасно знал, что QR-код является самостоятельным элементом и для его получения и использования вовсе не требуется привязка к картам. Вот и посигналил куда нужно... А еще гляньте ФИО пострадавших, кто иск-то подал, вы видите?

Я посмотрела:

– Гражданка Плевакина Алевтина Игоревна... Да это же мама нашего Анатолия Эммануиловича! – Я всплеснула руками. – Какие же гады эти мошенники, ни капли совести у них. Алевтине Игоревне восемьдесят шесть лет, как можно такую старенькую бабушку обкрадывать!

– К счастью, как раз за эту бабушку есть кому заступиться, – усмехнулся Дима. – И вы учтите: шеф в пылу праведного гнева требует скорейшего решения по данному делу! Я, собственно, именно поэтому папку вам сверху положил.

– Затягивать не будем! – пообещала я, взяв под козырек и посмотрев в потолок, – приемная и кабинет Плевакина помещаются этажом выше. Потом подперла щеку кулаком и мечтательно призадумалась: – Вот бы всегда так было...

– Как – так? – уточнил Дима.

– Чтобы преступники нападали только на богатых и силь-

ных, а не на бедных и слабых!

– О, да вы еще и фанат Робин Гуда! – Помощник хмыкнул и щелкнул пальцами. – Кстати, о бедности и слабости! У нас закончился кофе, я купил, но он неожиданно крепкий, так что забудьте про двойной эспрессо. Капучино или латте?

– Капучино, будь добр, – попросила я, смутившись.

Знала же, что кофе закончился, еще думала забежать в супермаркет и купить пачку-другую про запас, но забыла. И снова наши закрома пополнил Дима, а он никогда не мелочится и покупает очень хороший и дорогой чай и кофе, из-за чего я чувствую себя неловко. Знаю, что мой помощник не нуждается в деньгах, у него весьма состоятельные родители, но это же не повод постоянно вводить его в дополнительные расходы.

– Ладно, ты вари кофе, а я сбегаю за пирожными. – Коротко глянув на часы, я встала из-за стола.

У нас буквально за углом есть чудесная маленькая пекарня-кондитерская, там продают восхитительные пирожные, до которых Дима – он, как многие сильные мужчины, такой застенчивый сладкоежка – весьма охоч. Куплю его любимые «корзиночки», внесу свой вклад в искусство утреннего кофепития.

Мне повезло: в кондитерской как раз не было очереди, и я управилась за считанные минуты.

Купив пирожные, я заспешила назад, на линию трудового фронта, обдумывая интересный вопрос: почему это нам

с Димой нравятся одни и те же «корзиночки»? Мы ведь с ним представители разных поколений – лет пятнадцать между нами как минимум, то есть росли мы в разные времена и уж точно в разных условиях.

У Димы с его богатыми предками из мидовских кругов разве что свеженадоенного птичьего молока на столе не было, а мне в моем детстве самым вкусным десертом представлялись заурядные покупные торты – бисквитные, с кремовыми розочками сверху.

Бабушка, которая в одиночку растила нас с сестрой, пекла по праздникам домашние пироги, и они были очень вкусные, но я все равно мечтала о тортах и пирожных из магазина – они казались мне символом зажиточной жизни и большого праздника, на который не жалеют денег.

Но Дима-то мог есть любые деликатесы, что ему те «корзиночки», сделанные по старому советскому рецепту не из лучших продуктов?

– Песочное тесто, взбитый белок, маргариновая розочка – все, как ты любишь. – Я поставила на выдвижную полочку, которую мы используем как столик во время кофе-паузы, открытую коробку с пирожными и пытливо взглянула на зажмурившегося в предвкушении сладкого удовольствия помощника. – И сто миллионов калорий! Почему это тебя не смущает, ты же у нас модный парень? Капучино вот на кокосовом молоке делаешь.

– Так это же запретный вкус детства. – Дима потянулся за

корзиночкой, пошевелил пальцами над коробкой и выбрал пирожное с самой красивой розочкой. – И вы забыли упомянуть яблочное повидло, оно под взбитым белком, на доннышке – это самый смак... Ум-м-м... Когда я маленький был, меня няня, Люся ее звали, тайком от родителей водила в «Шоколадницу». Она там с женихом своим встречалась, а он нам эти корзиночки покупал. И еще кофе: им черный, в маленьких чашечках, сваренный на жаровне с песком, а мне с молоком, в граненом стакане, его толстая тетка в белом фартуке и кружевной наколке наливала из большого бака половником. – Он с сожалением покосился на свежесваренный капучино на кокосовом молоке и слегка покривился: – Это совсем не то, конечно...

– Надо же, ты тоже ностальгируешь по прошлому веку, – удивилась я.

– Не по всему веку, а по его отдельным атрибутам, – рассудительно поправил Дима. – Точнее, по временам своего беззаботного детства, когда все казалось так просто и понятно. Не надо было думать, чему верить, а чему нет, как сейчас.

– Ну, взрослые и тогда не страдали излишней доверчивостью, – возразила я. – Даже наоборот...

– Это касалось идеологии, – кивнул Дима. – Но в целом настроения были более позитивные. Все верили в светлое будущее... Или мне так казалось? Во всяком случае, точно помню, что третьей мировой тогда слегка опасались, но конец света несколько раз в год не объявляли, глобальных при-

родных катастроф не ждали, а такого слова, как «пандемия», даже еще не знали, пожалуй.

Опять мы свернули на эту больную тему!

– И не поспоришь, все правильно говоришь, – вздохнула я, отставляя пустую чашку. – Ну, теперь за работу. Заседание в десять?

– Да, в четвертом зале. – Дима отправил коробку из-под пирожных в мусорную корзинку и задвинул полочку. – Там, кстати, из окна сильно сквозит, имейте в виду.

– Спасибо, учту. – Я подумала, что, пожалуй, надену мантию прямо на теплый джемпер.

Бесценный у меня помощник! Все знает, все контролирует и держит в уме.

Как я буду обходиться без него, когда он пойдет на повышение, что неизбежно случится, причем достаточно скоро?

Внутренний голос буркнул, что пора уже мне завести другого разнообразно полезного мужчину, оставив его при себе на всю жизнь, но развивать эту мысль я не стала. Моя вялотекущая личная жизнь – еще одна больная тема.

Может, и неплохо, что коронавирус вытеснил ее с первой позиции.

Мы с помощником собрались и переместились в зал, где должно было пройти дежурное слушание по очередному делу. Свой мобильный я, как обычно в таких случаях, оставила в кабинете на столе, и потому далеко не сразу узнала, что битый час он отчаянно и безрезультатно разрывался от вхо-

дящих звонков с одного и того же хорошо знакомого мне номера.

– Кузнецова! Сюда иди!

Давешняя неприветливая медсестра не без труда нашла взглядом Натку, скукожившуюся на банкетке, и призывно помахала ей рукой.

– Легко сказать – иди, – пробормотала Натка, сползая на пол.

Хотелось свернуться на нем баварским кренделем и никуда уже не идти. Так и сдохнуть тут, отмучиться!

Дама, грамотно упакованная с головы до ног в защитный пластик и сидевшая рядом с ней какое-то время назад, уже ушла, оставив банкетку в полном и единоличном распоряжении Натки.

Битый час она загибалась на ней в одиночестве: несмотря на то, что коридор трещал от набившегося народа, подсаживаться к свернувшейся в бараний рог страдальчески стонущей гражданочке никто не решился.

– А ну, соберись! – подойдя ближе, потребовала медсестра, но руки сидящей на корточках Натке не протянула и встать не помогла. Пришлось ей подниматься самостоятельно, опираясь сначала на банкетку, а потом на стенку. – Рано помираешь.

Это заявление могло бы обнадежить больную, если бы за ним не последовало продолжение:

– Сейчас в другое место поедешь.

Железную логику сказанного Натка уловила даже через дурноту:

– И уже там помру?

– Нет, ну что ты, вылечат тебя, – успокоила медсестра, но как-то очень неискренне. – Иди за мной.

– За мной, шагом марш, – пробормотала Натка и поплелась, придерживаясь за стены и с трудом обходя банкетки с сидящими на них людьми, вслед за маячащим перед ней обширным белым пятном.

Сквозь пелену боли – живот по-прежнему крутило беспощадно – она видела нечетко, взгляд затуманился, со лба бежал пот. Похоже, у нее высокая температура. Странно, что ее не померили при осмотре. Палочку в нос сунули, а градусник в подмышку – нет...

Палочка! Натка вдруг вспомнила, что всезнающая дама в пластике говорила – это был тест на ковид.

– Простите, а какой у меня ПЦР? – обеспокоенно спросила она белую спину.

Та качнулась – медсестра на ходу обернулась и покачала головой:

– Да иди уже!

– Куда? – Натка остановилась, но они, оказывается, пришли.

– Забирайте. – Медсестра в белом отступила в сторону, пропуская к больной пару космонавтов в скафандрах.

Те подхватили Натку под руки, быстро повели к выходу,

откуда тянуло холодным ветром, помогли забраться в «Скорую» и уложили там на лежачую кровать-носилки.

– Куда... меня... – Натка попыталась подняться, но ее мягко вернули на место и заботливо пристегнули ремнем.

Добиться ответа не представлялось возможным: взревела сирена. «Скорая» мягко скатилась с подъездного пандуса, аккуратно вошла в поворот и, секунду помедлив перед взлетевшим шлагбаумом, выехала на улицу.

Какое-то время Натка, как ставшая жертвой похищения героиня голливудского боевика, добросовестно пыталась представлять в голове путь следования машины, но в воспаленном мозгу картинка расплывалась и путалась. К тому же «Скорая» быстро выехала за пределы знакомого Натке района, так что пропал всякий смысл считать повороты и светофоры.

– Куда мы? – все-таки крикнула она, еще надеясь услышать что-нибудь обнадеживающее.

– В госпиталь, куда ж еще? – оглянувшись на Натку с переднего сиденья, устало ответил женским голосом один из космонавтов. – Расслабьтесь, поспите пока, будем ехать минут сорок, не меньше. – И женщина-космонавт отвернулась.

– В какой еще госпиталь? – ужаснувшись пуще прежнего, прошептала Натка.

Слово «госпиталь» ассоциировалось у нее с войной, которую она никогда не видела, разве что в кино, с налетами вражеской авиации, артобстрелами и мужественным шепотом

раненого бойца: «Брось меня, сестричка, не донесешь...»

Ей совершенно не хотелось ни в какой госпиталь. Особенно в один из тех, которые власти при помощи армии и МЧС спешно возвели в столице и вблизи нее специально для больных новой хворью.

– Не может быть, – от страха Натке будто даже полегчало – она почти забыла про больной живот. – Откуда у меня ковид? Нет у меня никакого ковида!

Она пошарила руками по своему телу, как будто упомянутый ковид был пиявкой, которую можно стряхнуть, и только теперь заметила, что лежит без пальто.

Оно, небрежно свернутое, помещалось на лавке у борта машины.

«Смартфон в кармане, – молнией сверкнула в голове спасительная мысль. – Достать, позвонить, вызвать помощь...»

Горячее воображение нарисовало капитана Таганцева, вырастающего на пути мчащей «Скорой» решительно и грозно, как знаменитая некрасовская женщина, останавливающая на скаку коня, только с табельным оружием и матерным криком.

Хотя еще неизвестно, что орала скачущему коню та прославленная русская баба, может, тоже ругалась, как мужик...

Тьфу, и о чем она только думает?! Надо поскорее достать смартфон и позвонить... кому? Нет, Таганцев из своей заволжской глуши к ней не успеет. Не поможет, не спасет...

– Мама, – прохныкала Натка. – Ой, мамочка!

Возглас был сугубо ритуальный. На самом деле мама-мамочка не приходила ей на помощь никогда – сколько Натка себя помнила, в критических ситуациях она бежала сначала к бабушке, а потом, когда та умерла, как и родители, – к старшей сестре.

«Скорой помощью» и службой спасения для Натки всегда была Лена. И, надо сказать, без работы ее младшая сестрица не оставляла – создавала проблемы без устали и в самом широком диапазоне.

Всякое у них случалось, но такого, подумалось Натке в испуге, еще не бывало. Ее, совсем больную, везут в ковидный госпиталь. Это билет в одну сторону, оттуда она отправится напрямик в последний путь. Все, это конец!

Но нет. Игра еще не окончилась! На крутом повороте объемистый сверток – пальто и сумка в нем, как начинка в рулете, – свалился с лавки на пол, и Натка со своей лежанки смогла дотянуться до собственной верхней одежды.

Она рывком затащила пальто на себя – сразу стало теплее, – дрожащими от страха и лихорадки руками обшарила карманы, нашла свой смартфон. Уже не раздумывая, кого бы высвистывать на помощь, послала вызов на мобильный Лены. Но та не ответила.

Ругаясь и плача, Натка позвонила своей вечной спасительнице – старшей сестре раз десять, не меньше, но добилась лишь того, что ее смартфон почти разрядился.

Ну, и еще скоротала время в дороге до страшного госпи-

таля – сама не заметила, как приехали...

Сразу после судебного заседания, затянувшегося до середины дня, мы с Машкой пошли обедать.

Бродить по улицам не хотелось: там повалил противный мокрый снег. Да и от законного обеденного перерыва оставалось не больше получаса, поэтому мы совершили так называемый малый выход – нырнули с крыльца за угол, в ту самую пекарню-кондитерскую, где прекрасно готовят не только классические советские пирожные, но и традиционную русскую выпечку.

Зожники бы нас не одобрили, но мы с Машкой люди простые и в смысле кулинарии настроенные патриотично: всегда за горячий пирожок с мясом или с капустой. А лучше не «или», а «и»! С мясом, с капустой и еще с творогом, пожалуйста.

А роллы и суши мне даже не предлагайте, я их не люблю и не понимаю, почему Натка, например, в неизменном восторге от комочков рисовой каши с кусочками неприготовленной рыбы. Мне, если честно, откровенно неприятно, что их руками лепят. По-моему, наша русская кухня куда гигиеничнее – вся еда проходит термическую обработку.

Может, если бы китайский пациент номер один на рынке в Ухане съел нормальный пирожок с пылу с жару, а не полусырую летучую мышь, весь мир бы сейчас не страдал от коронавируса...

Стоп, не будем снова об этом.

– О чем думаешь? – спросила Машка, цепким взглядом осматривая витрину с выпечкой в ассортименте.

– О ви... – Я чуть не призналась, что о вирусе, но вовремя поправилась: – О выборе. Взять сдобный пирожок со смородиной или ватрушку с творогом и изюмом?

– Я выбираю между кулебякой с капустой и расстегаем с семгой, – призналась подруга и, поскольку как раз подошла ее очередь, решительно оборвала наши с ней муки выбора, деловито объявив: – Кулебяку с капустой, расстегай с семгой, пирожок со смородиной и ватрушку с творогом, всего по два, что не съедим, заберем с собой. – Она оглянулась на меня: – Сегодня я угощаю.

– Тогда я заплачу за напитки, – согласилась я.

– Мне фирменный чай с облепихой и имбирем. – Машка приняла поднос с горой пирогов и поплыла к свободному столику.

Устроившись у окна с видом на улицу, мы принялись за трапезу. При этом я поглядывала на часы, а подруга, у которой сегодня больше не было слушаний, за стекло. Никакого шоу там, впрочем, не наблюдалось. То ли дело было, когда судились родители юной модели и организаторы конкурса красоты – участники процесса в суд на кадиллаках-кабриолетах и в золоченых каретах прибывали!

– Людей стало меньше, – уныло резюмировала Машка, кивнув на окно.

– На улице или вообще? – зачем-то уточнила я, опять подсознательно сползая на болезную тему пандемии.

– Вообще тоже. Я вчера смотрела статистику: ты знаешь, сколько народу уже померло от этой заразы? – охотно подхватила подруга. – Если по всему миру подсчитать, погибших от «короны» хватило бы на целую страну! Немаленькую такую, между прочим.

– Давай не будем об этом? – Я поежилась.

– «Не думай о коронавирусе – и он не подумает о тебе» – такой твой принцип? – хмыкнула подруга. – Э нет, дорогая, от этой заразы не получится спрятаться. Разве что в бункере, метрах в пятидесяти под землей, прервав все контакты с поверхностью годика на полтора-два. – Она замолчала и задумалась – должно быть, прикидывала, не знает ли какого-нибудь подходящего бункера.

Пока Машка размышляла, я доела свой пирожок с творогом, почему-то сделавшийся почти безвкусным, допила чай и встала:

– Все, надо бежать. У меня сейчас еще одно судебное заседание...

– Угу. – Подруга, не вынырнув из раздумий, кивнула. Очнулась и спохватилась она, когда я шумно задвинула стул: – После работы уделишь мне полчаса? Хочу все-таки заглянуть в еще один магазин.

– Полчасика – да, но не больше. У меня на вечер наполеоновские планы – борща наварить и котлет нажарить.

– Непременно с луком и чесноком! – встrepенулась Машка. – И побольше их, побольше!

Обоснованно опасаясь, что сейчас она снова начнет нахваливать свои чесночно-луковые противовирусные котлетки, и не желая продолжать тему модной инфекции, я только кивнула и поспешила удалиться.

В свой кабинет забежала лишь затем, чтобы облачиться в мантию, и снова пошла в четвертый зал – на почетное, но продуваемое сквозняком из щели в окне судейское место.

Только вечером, уже собираясь уходить с работы и запихивая в объемистую сумку папки с делами, которые собиралась просмотреть дома, я вспомнила про сиротевший без меня день-деньской мобилeйник. Прежде чем сунуть его в карман, посмотрела, нет ли пропущенных вызовов.

Они были. И много! Еще утром мне как никогда ранее настойчиво звонила Натка. Она набрала меня девять раз!

– Могла бы в десятый, юбилейный, голосовое сообщение оставить, – пробурчала я встревоженно и виновато.

Сразу же попыталась перезвонить сестре, но она не ответила.

– Теперь сама трубку не берет! – Я не знала, что и думать. Может, это симметричный ответ? Я не отзывалась на звонки Натки утром, и теперь она меня наказывает?

Но я просто не могла разговаривать – при исполнении была! Все мои немногочисленные родные прекрасно знают: звонить мне нужно или до девяти, или уже после восемна-

дцати. А лучше даже после девятнадцати, потому что за рулем я по телефону стараюсь не разговаривать... Но что же стряслось у Натки?

Я позвонила Сашке.

– Ничего не покупай, у меня сегодня разгрузочный вечер! – сразу же заявила дочь, упреждая мой обычный вопрос – что приготовить на ужин.

– Я по другому поводу, Саш. Тебе тетя не звонила?

– Натка?

Сестрица, кокетничая и молодясь, просит племянницу называть ее по имени, как подружку-ровесницу. Сашка, девочка добрая, желание тетушки уважает.

– Натка, Натка, кто же еще, у тебя другой тети нет!

Тут мне неожиданно подумалось: вдруг и этой тети уже нет? Может, Натка названивала мне, оказавшись на краю гибели, буквально перед смертью...

Тьфу, что за мысли такие! Отставить панику!

– Нет, она мне не звонила, а что случилось?

– Не знаю! Буду выяснять! Жди дома! – Я закончила короткий сумбурный разговор с дочерью и затравленно оглядела пустой кабинет.

Кого спросить, куда бежать, что делать?

Вспомнила! Где-то был у меня телефончик Наткиной коллеги Ларисы, они вместе работают в редакционно-издательском центре популярной газеты и приятельствуют... Вот!

Я нашла в списке контактов номер, записанный как «Ла-

риса РИЦ», и позвонила по нему.

– Да, алле? – чуть удивленно откликнулся женский голос, почти теряющийся в типичном шуме метро.

– Лариса? Лариса! – закричала я. – Это Елена, сестра Натальи Кузнецовой, вы с ней вместе работаете. Она была сегодня в РИЦе?

– Наташа-то? Нет, у нее сегодня отгул, а что слу... – Голос окончательно потерялся за грохотом и свистом прибывшего поезда, но я уже поняла главное: на работе сестрица сегодня не появлялась.

Мое беспокойство чрезвычайно усилилось.

Нужно знать мою младшую сестру, чтобы понимать, насколько опасно это сочетание – Натка и много свободного времени. Неугомонная сестрица с шилом в мякоти даже на бегу и в коротких паузах между делами-заботами умудряется заварить такую кашу, которую семеро с ложками потом не расхлебают. Страшно представить, что она могла учудить при наличии целого свободного дня!

Натке в равной степени свойственны авантюризм, предприимчивость, бесшабашность и уверенность в себе. Взрывоопасная смесь! Плюс неприятности наша Наташа находит, как специально обученная свинья – трюфели: там, где другие спокойно проходят мимо...

Я вдруг осознала, что непродуктивно злюсь на сестру вместо того, чтобы заняться тем, что выпадает на мою долю с огорчительной регулярностью: разбираться в ситуации и раз-

гребать ее последствия.

Но как тут разберешься, когда информации – голый ноль?!

– Спокойно, Лена, спокойно! – Я сбегала к кулеру и, налив себе воды, выпила ее залпом.

С треском смяв стаканчик, я бросила его мимо урны и пытливо посмотрела на зажатый в кулаке телефон.

Кому бы позвонить? Может, Косте? По логике, не дозволившись мне, Натка должна была связаться с ним. Таганцев идет вторым номером в ее списке персональных спасателей, если уже не первым.

– Костя! – завопила я, не справляясь с запредельным волнением, когда в трубке раздался знакомый мужественный голос. – Что с Наткой, ты в курсе?!

– А что с Наткой?

– Не в курсе, – упавшим голосом резюмировала я. – То есть она тебе сегодня не звонила, как мне, с десятков раз?

– Вообще не звонила. Лен, ты успокойся и объясни толком, что случилось.

Вот что значит – настоящий мужчина суровой профессии, можно только восхищаться такой выдержкой! Капитан Таганцев, в отличие от меня, не спешил паниковать и бегать по стенам с криком: «А-а-а, все пропало!»

Настоящие мужчины суровых профессий – опера, пожарные, космонавты – не позволяют себе таких бурных эмоций. Максимум сдержанно молвят: «Хьюстон, у нас проблемы» –

и идут их устранять.

– Кость, я же говорю: Натка звонила мне утром девять раз, а я не могла ответить. Теперь набираю ее, но она не отзывается!

Я честно постаралась успокоиться. Получилось не очень, голос все равно срывался на визг, но Таганцев меня похвалил:

– Во-от, так лучше. Теперь сделай глубокий вдох, потом выдох, а я пока тоже попробую позвонить нашей Натке. Потом тебя наберу.

В трубке пошли короткие гудки – Хьюстон занялся проблемой. Я сделала вдох, потом выдох. И еще раз вдох-выдох. И еще.

Таганцев не перезванивал. Я не выдержала пытки ожиданием и тоже послала вызов на мобильный сестры.

Неожиданно длинные гудки в трубке прекратились, я услышала какой-то хруст, а потом слабый голос – женский, но чужой, незнакомый:

– Алло, алло!

– Кто это? – Мне стало страшно.

– Роза я. Соседка вашей... не знаю, как ее?

– Наташа!

– Да нет, я Роза!

Я почувствовала головокружение. Что за бред? Какая Роза? Откуда соседка? Мысли в голове зарябили, дергаясь, как флажки на ветру: сестре осталась старая бабушкина кварти-

ра, я там давно не живу, новых соседей не знаю, про Розу даже не слышала...

– Где Натка?

– Тут, рядом.

– Так дайте ей трубку!

– Да не возьмет же, плохо ей. Отключилась. – Непонятная Роза в трубке и сама, похоже, могла вот-вот отключиться: голос у нее был подозрительно слабый, прерывистый.

– Почему ей плохо? Что с ней?! – Я по-прежнему ничего не понимала.

– Так...

Всё! Пропала Роза, кем бы она ни была! Исчезла, растаяла, отключилась, оставив в трубке гнетущую тишину.

Стоять на месте и ничего не делать не было никакой возможности. Я торопливо, путаясь в рукавах, надела пальто, нахлобучила шапку, вздернула на плечо сумку и побежала, куда ноги понесли: из кабинета – в коридор, дальше в фойе, к дверям на выход, вниз по ступенькам и вперед, вперед!

Очнулась, когда со звоном уронила на бетонный пол подземного гаража ключи от машины. Оказывается, я их загодя вытащила, прицелилась, попыталась с разбегу попасть в замок – и все это на автопилоте!

Умная штука – человеческий организм. Даже когда мозговой центр затоплен паникой, есть там еще кто-то, потихоньку решающий простенькие задачки.

Я подняла ключи, открыла машину, села за руль и немно-

го помедлила, пытаюсь навести порядок в моем персональном Хьюстоне.

Так, куда ехать-то? К Натке домой, в надежде, что загадочная Роза – ее соседка по «хрущобе» и они обе сейчас находятся где-то там?

Звякнул мобильный. Я спешно прилепила его к уху, но звонила не Натка и даже не Роза, а Машка.

– Ты забыла, что обещала? – упрекнула меня подруга. – Я тут в кабинке с кучей тряпок, а ты где?

– Я в растерянности и панике. – Вздохнув, я сняла и не глядя забросила на заднее сиденье шапку, а потом сдула со лба прядь волос.

Про Машку с ее очередной примеркой я, конечно же, напрочь забыла. Как и про то, что собиралась еще забежать в супермаркет: купить фарш для котлет и овощи для борща. Мелькнула мысль, что не видать сегодня Сашке нормальной домашней еды, придется нам с ней водянистым йогуртом питаться, но особого сожаления по этому поводу у меня не возникло. Все эмоции ушли на переживание загадочной и пугающей ситуации с сестрой.

– Что стряслось? – Машка мигом подобралась, голос ее сделался твердым, без капризных ноток.

– Что-то с Наткой. Она с утра мне названивала, потом пропала и вечером уже не брала трубку. А сейчас по ее мобильному ответила какая-то незнакомая тетка, сказала, что Натке очень плохо и она отключилась.

– Кто отключился, Натка или тетка?

– Похоже, обе! А теперь телефон вызываемого абонента недоступен.

– Так... – Судя по скрежету в трубке, Машка энергично почесала в затылке. – Информации слишком мало. У тебя есть телефон ее соседей по дому? Позвони, попроси сходить к ней, может, что-то прояснится.

– Хорошая мысль, так и сделаю. – Я оборвала разговор, не прощаясь.

Машка не обидится на отсутствие церемоний, она настоящая боевая подруга.

Я отыскала в списке контактов номер Аллы – хозяйки квартиры, расположенной под Наткиной. Мне приходилось с ней общаться по просьбе сестры, которая замечательно умеет коммуницировать только с мужчинами, а с женщинами, особенно молодыми и красивыми, отношения у нее складываются не всегда. Алла тоже не расположена была приятно общаться, потому как поводы для контактов давал мой племянник Сенька – настоящее торнадо в штанишках.

Однажды он этой Алле залил потолок, устроив морское сражение в переполненной ванне, в другой раз вытряхнул с балкона мелкий мусор из точилки для цветных карандашей прямо на ее вывешенное на просушку свежевывстиранное белье, моментально переставшее быть белоснежным. Натка с Аллой, обе в высшей степени эмоциональные особы, обсуждая эти ситуации на повышенных тонах, к консенсусу не при-

шли, и заключением мирного соглашения пришлось заниматься мне.

– Елена? – Алла моему звонку не обрадовалась и встревожилась: – Что такое? Ваш разбойник снова что-то натворил, а я еще не в курсе?

– Нет, Арсений тут ни при чем, я вам по другому поводу звоню. – Я постаралась говорить спокойно, как всегда делала, общаясь с этой нервной женщиной. – У меня к вам огромная просьба, Алла, поднимитесь, пожалуйста, к Наталье, позвоните в дверь – дома ли она?

– А зачем? А что случилось?

– Поднимитесь, прошу вас! Я никак не могу дозвониться до сестры и очень тревожусь.

– Иду уже, иду! – Я услышала лязг металлической двери, и тут же звук в трубке изменился, обогатившись эхом на лестнице. – Звоню... Стучу... Не открывают! И тихо внутри, никаких звуков... Минутку, я спущусь во двор, взгляну на окна...

Соседка увлеклась и начала действовать, не дожидаясь моих просьб и инструкций. Специально для меня она по ходу дела комментировала:

– Мимо почтовых ящиков иду, из вашей бумажки торчат, сегодня квитанции на оплату принесли, Наталья их не забрала еще... Выхожу из подъезда, сейчас на окна посмотрю... Все темные! Дома нет никого... Здравствуйте, Ольга Васильна... Это бабушка с первого этажа, она с собачкой гуляет... Что?

А, я смотрю на окна, проверяя, дома ли мои соседи сверху... Нет, на этот раз не затопили, слава богу, просто их родственники потеряли. – Я поняла, что Алла, не прекращая прямой трансляции, завела разговор с бабулей-собачницей. – Что?.. Да что вы?! Какая, ковидная?.. Фух, слава богу!

Голос в трубке стал громче:

– Елена, Ольга Васильевна говорит, что утром к дому «Скорая» приезжала. Как раз в наш подъезд, да... Но не «ковидная» бригада, не в защитных костюмах, что радует.

– А к кому? К кому приезжала «Скорая»? Ольга Васильевна не в курсе? – Я затаила дыхание в ожидании ответа.

– Она не знает. Не разглядела, кого увезли, не поняла даже, мужчину или женщину. Кого-то в балахонистом сером пальто.

Модное серое пальто оверсайз по осени купила Натка себе и носила его, не снимая, даже сейчас, зимой, потому как выглядела в нем, весьма просторном, необыкновенно тоненькой и хрупкой.

– Спасибо вам, Алла, – упавшим голосом поблагодарила я. – Извините за беспокойство.

По-прежнему не зная, что делать, я машинально завела машину и знакомой дорогой на автопилоте поехала домой. Стоя в пробках, пыталась привести в порядок мысли.

По крайней мере, стало ясно, что ехать к Натке домой бессмысленно, ее там нет. Поплохело ей, вероятно, в родных стенах, откуда она уехала на «Скорой» и уже где-то в другом

месте, рядом с какой-то Розой, отключилась.

Я позвонила Машке – она взяла трубку моментально, будто ждала моего звонка, – и спросила:

– Куда увозят больных на «Скорой»?

– Смотря какие больные. – Подруга не удивилась вопросу. – У нас что?

– Неизвестно. Но, по словам соседки, бригада была «не ковидная».

– То есть без защитной спецодежды. – Машка немного подумала. – Значит, диспетчеру были озвучены какие-то другие симптомы. Так, ты сейчас где?

– За рулем.

– Вот и рули пока, да аккуратно, без нервов. А я найду список больниц с телефонами и пришлю его тебе в почту... нет, лучше в ватсап, так будет удобнее. Приедешь домой – садись на телефон и начинай звонить с начала списка, а я пойду с конца. Кузнецова Наталья Сергеевна, правильно, она ж у нас еще не Таганцева? Год рождения и адрес по прописке я знаю. Все, Лена, до связи!

– Спасибо, дорогая, – сказала я уже гудящей трубке и придала педаль газа – как раз пробка рассосалась.

Наличие хоть какого-то плана действовало успокаивающе.

В свою квартиру я не ворвалась зимней бурей, в вихре снежинок и негативных флюидов, а просто быстро вошла, лишь слишком громко хлопнув дверью.

Бросив на трюмо в прихожей сумку и пальто, я проследовала в кухню, села за стол и сразу же проверила ватсап.

Пришли два новых сообщения. Одно от Таганцева: «Не дозвонился, но пытаюсь», второе от Машки – обещанный список больниц с телефонами.

Я ткнула в первый же номер и стала ждать ответа, нетерпеливо считая гудки в трубке. Один, второй, третий... на пятом звонке вызов сбросили.

Я набрала повтор. До больничной регистратуры и в мирное время поди дозвонись, а уж сейчас-то...

– Ма-ам? – из своей комнаты вышла Сашка – в руке смартфон, на голове наушники. Она заглянула в кухню и вытаращила глаза на лужицы растаявшего снега под сапогами, которые я не сняла. – Что стряслось?

– Садись. – Я похлопала ладонью по соседней табуретке. – Сейчас пришлю тебе список, тоже будешь звонить, нечетные номера начиная с первого – мои, четные твои...

– Мама, какие номера?! Я тебя спрашиваю, что случилось?! – Дочь сдернула с головы дорогие фирменные «уши» и швырнула их на диванчик. Разволновалась! Обычно она очень аккуратно обращается со своими блогерскими гаджетами.

Эх, не умею я тактично и деликатно преподносить неприятные новости. Должно быть, это такая профдеформация: сказывается судейская привычка невозмутимо озвучивать приговоры.

– Ты сядь, успокойся. – Я снова пошлепала по табуретке.

– Спокойно, сядут все! – съязвила Сашка фразочкой из «Бриллиантовой руки». И тут же выдала вторую цитату: – Короче, Склифосовский!

– Похоже, твою тетю утром увезла «Скорая». – Я вскинула руку, упреждая вопрос: – Не «ковидная», обыкновенная! Но почему и куда – непонятно. Натка названивала мне, когда я не могла с ней говорить, а потом, уже вечером, вместо нее ответила какая-то незнакомая женщина, Роза...

– Роза-мимоза, – хмуря брови и напряженно слушая, пробормотала Сашка.

– Эта самая Роза сказала, что Натке очень плохо и она отключилась. На этом связь прервалась, и теперь абонент недоступен. Но у нас есть телефоны больниц, будем звонить и спрашивать, куда поступила Наталья Кузнецова. – Я кратко изложила наш план.

– Может, Сенька в курсе? – спросила дочь.

– Сенька! – Я хлопнула себя по лбу. – Саша, я идиотка! Совсем забыла про Сеньку! А соседка сказала, что в квартире никого нет, там тихо и темно, значит...

– Ребенка не забрали из школы, – договорила за меня сообразительная дочь и встала. – Сиди! Звони по своим телефонам, я за Сенькой сама съезжу.

– Паспорт возьми! – крикнула я ей вслед. – Придется же доказывать, что вы родственники.

– Угу. – Сашка уже возилась в прихожей, торопливо упа-

ковываясь в пуховик. – Ты не волнуйся, мы на такси туда и обратно, деньги у меня есть!

Грохнула захлопнувшаяся за убежавшей дочерью дверь. Я пошлепала себя по щекам, заметила, что руки дрожат, и сходила в ванную умыться холодной водичкой. Потом сменила наконец сапоги на домашние тапки, переделалась из офисного костюма в спортивный и, таким образом максимально приблизив себя к норме, вернулась на кухню.

Я опять послала вызов на номер первой в списке больницы, проинспектировала холодильник и, повязав фартук, поставила вариться гречку. Каша с тушенкой – не самое изысканное, зато вкусное и сытное блюдо. Сенька одобрит, мальчишки любят такую «походную» еду.

– Подлить горячего?

Охранник дядя Федя, не дожидаясь ответа, протянул руку и привычным тычком пальца в кнопку включил электрочайник. Тот, еще не остывший, затрясся, закипая снова, и запел, быстро пробежав четыре октавы, от низкого гудения до высокого свиста.

– Как Витас! – кивнув на музыкальный чайник, пошутил дядя Федя. – Что? Не знаешь, кто такой Витас? Ну, темнота!

Сенька виновато развел руками – в одной кружка, в другой печенье, – но смолчал. С полным ртом не очень-то побеседуешь.

А дядя Федя и не ждал ответа, он тараторил за двоих.

Привык, должно быть, говорить сам с собой долгими вечерами на одиночном посту.

– Витас – это такой известный певец, – просветил он темного Сеньку. – Был. А может, и есть еще, давненько его не видно и не слышно... – Дядя Федя задумался. – Вообще нормальных артистов не стало. Радио включишь – там одно и то же унылое му-му. Что девочки, что мальчики – все с придуренными голосами и с горячей картошкой во рту. Что мычат – ни слова не разберешь!

Сенька, по мере сил поддерживая разговор, смешливо хрюкнул в свою чашку. Охраннику этой его реакции вполне хватило.

– И че ты ржешь? – Он погрозил Сеньке пальцем. – Смешно тебе? А мне не весело. В окно-ка глянь: уже ночь на дворе, другие дети дома давно, в свои кровати спать ложатся, а ты тут у меня на продавленном диванчике сидишь, всеми брошенный, как щенок подзаборный!

Сенька с усилием проглотил месиво из печенья и чая, решив активнее участвовать в разговоре, чтобы охранника не заносило куда-то не туда, и сказал:

– Во-первых, нормальный у вас диванчик, не приbedняйтесь. Из «Икеи», я там их видел, мама хочет такой у нас на кухне поставить.

– Мама хочет! – передразнил его дядя Федя. – Мало ли, чего она хочет, твоя безответственная мама! Небось загуляла, а сына бросила на произвол суровой судьбы!

Сенька посмотрел на едва не прослезившегося охранника с укором и с намеком перевел взгляд на бубнящий телевизор в углу. На экране какие-то дяденька и тетенька бурно выясняли отношения, звучали исполненные большого чувства фразы: «Я отдала тебе свои лучшие годы, а ты, подлец!» и «Ты мне всю душу истрепала, стерва!» – дядя Федя коротал время у себя в дежурке за просмотром душераздирающих сериалов.

– Во-первых, моя мама вовсе не безответственная, – строго сказал Сенька. – Просто она работает в газете, а там бывают авралы. Случилось что-то – надо срочную новость верстать, чтобы выдать ее в свежий номер, приходится кому-то задерживаться до ночи...

– Во-первых, уже было у тебя одно «во-первых», – перебил его дядя Федя, впрочем, вполне добродушно. – Так что про мать-газетчицу – это уже «во-вторых». Ну, и дальше-то что?

– Дальше – это в-третьих? – уточнил Сенька и взял еще печенье: как раз третье. – В-третьих, не волнуйтесь. Мама вам заплатит за то, что вы со мной сидите. Понятно же, что не обязаны...

– Ишь ты! Заплатит она мне! Да не нужны мне ваши деньги, своих хватает!

– Это вы зря. – Сенька доел печенье, подпер голову кулаком и изрек рассудительно: – Деньги – они лишними не бывают.

Охранник – мужчина немолодой, на взгляд Сеньки и во-все даже старый, вздохнул:

– Ты думаешь, мне много надо? Жилье есть, обут-одет, – он похлопал себя по нагрудным карманам форменной рубашки, – не голодаю...

– Да? А детям помогать? А внуков в кино, в зоопарк и в Макдак водить? На какие шиши, а? – Сенька неожиданно завелся: в отсутствие собственных бабушек-дедушек тема разнообразно полезных старших родственников была для него болезненной.

– Да кому помогать? Кого водить? – дядя Федя пригорюнился.

– Вы одинокий, что ли? – сочувственно спросил Сенька.

– И да, и нет... Даже не знаю, как тебе объяснить... Ты ж еще мелкий совсем. – Охранник засомневался, но пооткровенничать ему хотелось, и он начал рассказывать, стараясь говорить понятными ребенку словами: – В семнадцать лет, еще в школе, я влюбился в одноклассницу...

– Прекрасно вас понимаю, – важно кивнул второклассник Кузнецов, успевший за свои школьные годы влюбиться минимум трижды.

– Потом Маринка, подружка моя, проводила меня в армию. И, пока я служил, родила ребеночка.

– Бывает, – снова кивнул Сенька, у которого своего такого-то опыта не было, но по телевизору он уже чего только не видел.

– А потом она закутила с кем-то другим, совсем загуляла, Маринка-то. Дочку бросила, из дома усвистела – и с концами. Только ее и видели. – Дядя Федя печально засмотрелся в окно, за которым свистела вьюга, способная кого угодно закрутить и унести прочь, в ночь. – Вернулся я из армии – а невесты у меня нет, зато есть дочка Настя. Но ее мои мамка с папкой, чтобы мне, значит, жизнь не ломать и ребенку полноценную семью обеспечить, сами уже удочерили. Вот и вышло, что вроде мне Настюха и дочь, а вроде и сестра. И папой она моего отца называет...

– Как в сериале! – вздохнул Сенька. – А дальше что было?

– Что, что... – Охранник пожал плечами. – Настюха росла, я жил себе, работал, потом старики наши умерли, мы с мелкой вдвоем остались. Уже привыкли, что мы не папка с дочкой, а брат с сестрой... Настюха замуж собралась, мы хату разменяли, разъехались – она в однушку, я в комнату в коммуналке. У нее двое мальцов, почитай, твоего возраста, а у меня кот. Василием зовут. Толстый... Сало любит соленое с чесноком, представляешь?

– Про кота давайте позже, в следующей серии, – попросил Сенька. – Сначала про Настюху с мальцами. Вы с ними, что же, не общаетесь?

– Ну, почему не общаемся? Видимся иногда. По большим праздникам. – Дядя Федя, оживившийся было при рассказе про салолюбивого кота Василия, опять погрустнел. – Я кто им, пацанам-то? Старый дядька. Ни в отцы не сгодился, ни

в деды...

– Да-а-а, история, – посочувствовал Сенька и пооткровенничал в ответ: – А у меня вот тоже ни дедушек нет, ни бабушек. Только знакомые старики в деревне, у них своих никого, так они меня каждое лето увнучеряют.

– Ну, я тебя увнучерять не собираюсь! – почему-то рассердился охранник. – Вот моя вахта закончится – и если мамка твоя не появится, придется сдать тебя в приют!

– Какой приют? – Сенька не испугался и только удивился: – Приюты только для животных бывают, а я человек!

– Ой, много ты знаешь, человек...

Дядя Федя побарабанил пальцами по столу и от нечего делать опять потянулся к чайнику, но тут за тонкой стенкой дежурки, прямо над входной дверью в школьный холл, замигала лампочка. Одновременно зазвенел звонок – не оглушительно-пронзительный, призывающий на урок или, наоборот, разрешающий покинуть классы, а негромкий, больше похожий на треск.

– Это от калитки, – пояснил охранник и подхватился, сдернув со спинки стула теплую куртку. – Небось твоя явилась! Ну, я ей сейчас...

– Не обижайте мою маму! – Сенька тоже вскочил.

– Куда намылился? В тепле сиди! – Погрозив мальчишке пальцем, дядя Федя вышел из дежурки, отпер замки на тяжелой входной двери и шагнул за порог.

Сенька влип в окно, но из него было видно только широ-

кое школьное крыльцо.

Наконец на него поднялись две фигуры – побольше и поменьше.

– Мам! – Сенька вылетел из дежурки и резко затормозил, увидев: нет, не мам!

– Арсений, жив, здоров, невредим? На выход! – широко махнула рукой в мохнатой красной рукавике Сашка.

– Стоять! – пресек несанкционированные движения дядя Федя. – Сначала документки предъявляем, в журналчик записываемся, объясняем причину своего опоздания, а уж потом забираем мальчика. Виданное ли дело: забыть пацаненка дотемна, таких мамашек надо лишать родительских прав!

– Как говорил кот Матроскин, чтобы продать что-нибудь ненужное, надо сначала купить что-нибудь ненужное! – весело отозвалась Сашка. – А чтобы лишиться родительских прав, нужно сначала их приобрести. Я не мама этого юноши, а сестра. Старшая! Вот мой паспорт, записывайте меня в свой журналчик, да мы поедем, у нас такси за воротами, водитель ждет.

– Ничего, подождет. – Охранник забрал документ, вернулся с ним в дежурку и забубнил там, шурша страницами: – Мы с пацаном ждали-ждали, и таксист подождет, не облезет, ему за то деньги плачены...

– Дай ему денег! – шепотом сказал Сенька Сашке на ухо.

– Это за что же?

– За то, что сидел со мной, как нянька! И чаем с печеньем

поил! И разговаривал! И в приют не сдал!

– В какой еще приют?

– Для бездомных детей, вот какой!

– Да таких не бывает!

– Ой, много ты знаешь!

– Рюкзак свой не забудь. – Дядя Федя вышел из дежурки: в одной руке – Сашкин паспорт, в другой – Сенькин ранец. – Ну, все, теперь с вещами на выход!

– А вам, наверное, заплатить нужно? – маскируя деловитым тоном неловкость, спросила Сашка, пряча свой документ. – Только у меня налички нет, сейчас с ней никто уже не ходит, я вам на карточку переброшу, идет? У вас какая карта? К телефону привязана? Диктуйте свой номер.

– Плюс семь... – Охранник, подчиняясь неожиданно командному тону, послушно продиктовал цифры своего мобильного, а потом спохватился: – Какие еще деньги, старшая сестра?

– Ну, вам, за то, что с Сенькой посидели...

– Сдурела, девка? Чтобы я у детей деньги брал... Ты зарабатывать их сначала научись, потом транжирить будешь. Мамка с папкой небось на кино дали да на мороженое, а ты «я вам на карточку переведу», вот придумала!

– Вообще-то это мои деньги! Я сама зарабатываю! – обиделась Сашка.

– Это каким же образом? – Дядя Федя нахмурился и оглядел хорошенькую нарядную девушку с подозрением.

– Вы что подумали? – Сашкины щеки покраснели в тон варежкам. – Я блогер!

– Бло-о-гер... Тьфу! – Охранник обошел их с Сенькой и распахнул дверь: – Идите уже, блогеры...

Подгоняя сестрицу с братцем взмахом руки, дядя Федя пропустил их мимо себя и потопал следом, чтобы запереть за ними калитку. Он шел и ворчал:

– Блогеры они, слогеры, а нормальному человеку работы нет, сиди тут, школяров стереги за три копейки...

– Мое предложение про деньги в силе! – не оглядываясь и не останавливаясь, повысила голос Сашка.

– Сам заработаю, без сопливых! – огрызнулся дядя Федя. – К приятелю пойду, ковидный госпиталь охранять. Там, конечно, чума, а не работа, зато по повышенной ставке платить обещают... Ну, малец, давай! Чтоб завтра на уроках был как штык, без опоздания! Mamке привет, скажи, второй раз такое не проканает – пусть сама тебя забирает, чужим детей отдавать не положено.

– Я не чужая! – возмутилась Сашка, но охранник, оставшийся по ту сторону ограды, уже закрыл калитку и задвинул на ней засов.

– Поехали уже, а? – попросил Сенька, поморщившись от скрипа мерзлого железа. – У меня не живот – а бочка с чаем, хочется чего-нибудь нормального поесть. И почему за мной ты пришла, а не мама?

– Очень, очень хороший вопрос. – Сашка потерла лоб

мохнатой варёжкой и, не зная правильного ответа, заторопилась: – Да, поехали! Дома все узнаешь.

Гречку я безобразно разварила. Получилась не рассыпчатая каша, о какой наша с Наткой бабушка говорила «крупинка к крупинке», а липкое бурое месиво такого вида, будто его уже один раз съели. Пахло оно, впрочем, хорошо, за что отдельное спасибо «гочтовской» (это непонятно, может быть, просто «фермерской» или это ошибка «гоСтовской»??) говяжьей тушёнке. Сенька, всегда готовый к новым авантюрам, бодро сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.